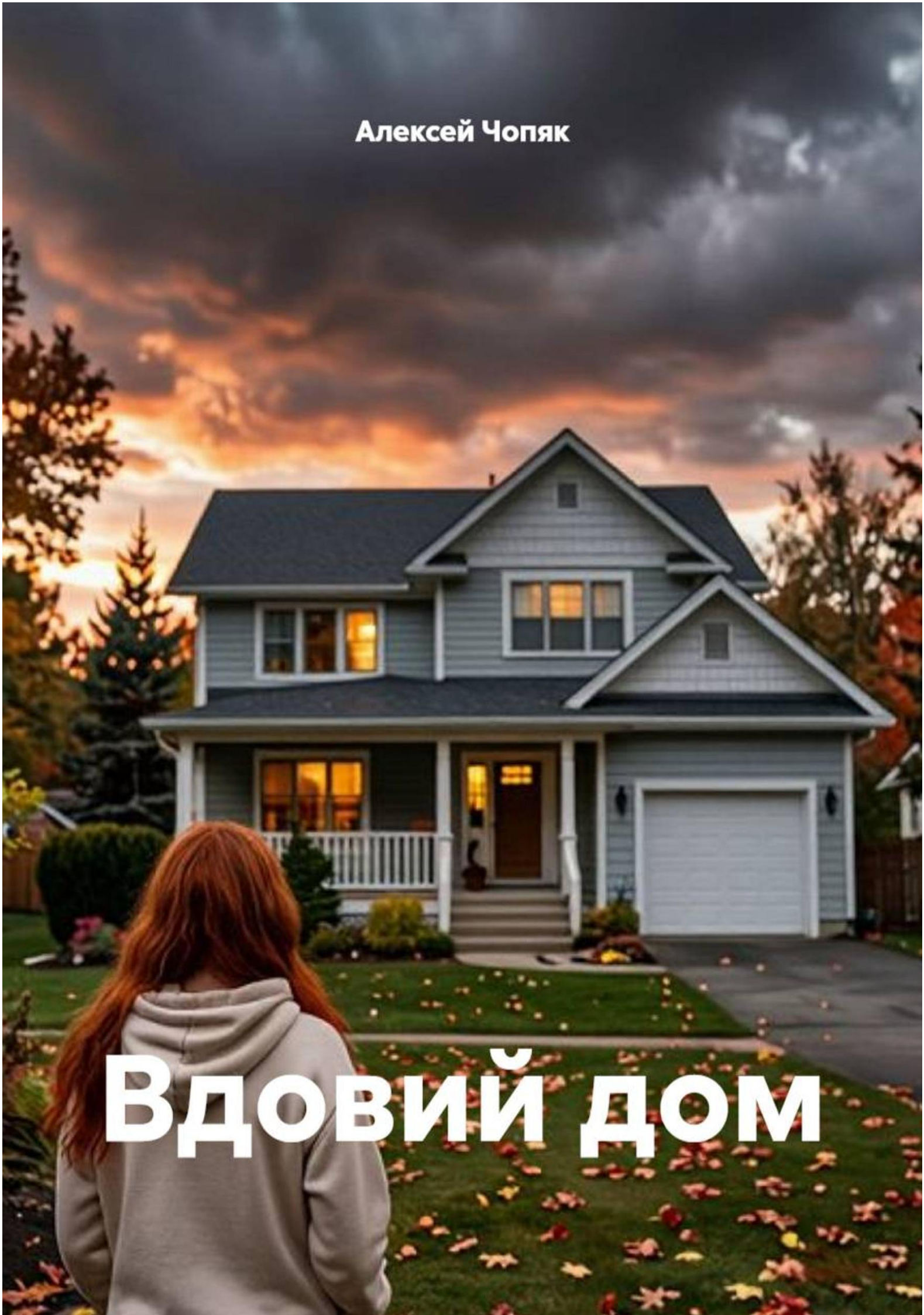
Алексей Чопяк

Вдовий дом

Алексей Чопяк

Вдовий дом

«Автор»
2026

Чопяк А. П.

Вдовий дом / А. П. Чопяк — «Автор», 2026

Середина XXI века. Синтия – привлекательная и успешная женщина.
За её плечами годы Всемирного Хаоса – кризисов, войн, катастроф и страшных болезней. Чтобы выжить в смутное время и уберечь своего сына, ей приходилось идти на многое. Платой за спасение стало одиночество. Каждый дорогой для неё мужчина, подставлявший ей плечо в трудную минуту, погибал.Теперь, когда Хаос отступил, Синтия решает искупить прошлые грехи, начать новую счастливую жизнь вместе с сыном и с любимым человеком. Сможет ли она преодолеть собственное проклятие? И каковым будет её наследие спустя много лет?

© Чопяк А. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Сгоревший лист 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Алексей Чопяк
Вдовий дом

Автор хотел бы подчеркнуть, что действие книги происходит в вымышленном будущем и в вымышленной вселенной. Никаких параллелей с реальными людьми или событиями в книге не проводится. Все возможные совпадения случайны.

Часть 1. Сгоревший лист

Глава 1

Неприятности начались вечером, после того как Синтия с Тимом закупились в магазине, добавив к своим субботним покупкам новый секатор и удобрения для будущей клумбы. На стоянке для машин им повстречались трое подростков, ровесников Тима – все как на подбор смуглые и темноглазые. Компания говорила по-испански, так что у Синтии отпали сомнения – это были беженцы из бывшей Мексики.

Завидев их, один из подростков демонстративно громко хохотнул и сказал по-английски:

– Какая сочная цыпа! Сиськи – как арбузы!

Его приятели скабрезно заухмылялись, а Синтия поморщилась. Даже в сорок шесть лет она не оставляла равнодушными мужчин, от прыщавых школьников до почтенных отцов семейства. Вот только знаки внимания не всегда ей нравились по форме и содержанию.

– Заткнитесь, суки, – посоветовал им Тим, – пока зубы не проглотили!

На первый взгляд, он не производил особого впечатления: долговязый жилистый парень, при этом ещё чуть ссутуленный – сказывались тренировки по боксу. Говорил Тим не очень громко, но его голос был полон чистой и хорошо сдерживаемой ненависти. Синтия понимала, что сейчас сын готов сделать из её обидчиков отбивные.

– Успокойся, – она открыла багажник и тихо сказала: – Не пачкайся об этих уродов! Лучше загрузи покупки!

Не говоря ни слова, Тим подчинился. Задира, похоже, почувствовал угрозу в его голосе, потому что заколебался. Однако терять лицо перед своими дружками ему не захотелось.

– Слышь, сутулый, – обратился он уже к Тиму. – Чего заткнулся?

– Залез под юбку к мамаше! – хихикнул третий мексиканец нездоровым смешком, будто чем-то закинулся. Он тощий, юркий и повадками походил на шакала. – У неё же дырка нараспашку!

Тим не выдержал. Прежде чем Синтия успела сказать хоть слово, он забросил в машину последний пакет, захлопнул багажник и сорвался с места. «Шакал» почуял, что сейчас его будут бить, может быть, даже ногами, и бросился наутёк. Остальные набросились на Тима.

Задиру, с которого началась перепалка, Тим отправил на землю ударом в челюсть. Когда тот падал, у него из кармана выпал складной нож. В этот момент третий, самый крепкий из мексиканцев, который всё время хранил молчание, с подскоком ударил Тима в голову. Получилось точно – видимо, этот гад тоже занимался боксом.

Но Тим научился у Райли защите. Он в последний момент уклонился в сторону, поэтому удар пришёлся не в полную силу. И Тим сразу перешёл в контратаку: ударил врага в солнечное сплетение, а потом от души добавил в голову. На миг Синтия даже испугалась, что сейчас произойдёт убийство. Однако сын и в горячке боя контролировал силу ударов. Мексиканец свалился на площадку и судорожно задвигал ногами, пытаясь не то подняться, не то отползти. Наверное, решил, что сейчас его добьют.

Но Тим не стал никого добивать, а быстро оглядел поле боя. Задира тщетно пытался встать на четвереньки, поматывая головой. Видно, ещё плохо соображал.

«Шакала» и вовсе след простыл. Недалеко стояла машина, в которую садились трое мужчин средних лет с упаковкой пивных банок. Они не вмешивались в происходящее, но один уже доставал коммуникатор.

– Садись в машину! – крикнула сыну Синтия. Она быстро встала между мужчиной с коммуникатором и Тимом.

«Только не хватай нож! – подумала она. – Не смей!»

– Заводи! – крикнул сын. – Я тут разберусь!

Тим не собирался совершать ничего безрассудного. Только тихо и коротко объяснил мексиканцам, что с ними сделает, если услышит ещё хоть слово о своей матери. Задира судорожно закивал и сплюнул на асфальт кровью. Кажется, с кровью он выплюнул зуб. На этом переговоры закончились, и Синтия с Тимом поехали прочь.

– Сильно он тебя ударил? – спросила Синтия, когда они немного отъехали от стоянки.

– Пустяк, – коротко ответил Тим. – Домой, мама?

– Да.

По дороге Синтия соображала, что теперь будет. На стоянке наверняка были видеокамеры. Так что при желании их с Тимом легко можно было вычислить: и по лицам, и по номеру машины. Да и этот тип с коммуникатором наверняка всё-таки заснял их, хотя и не всё попало в кадр. Если он это выложит, то уже сегодня о рыцарских подвигах сына будет знать вся Сеть. Хорошая же будет реклама для уважаемой журналистки, берущей интервью у бизнес-леди в журнале «Деловая Женщина»!

Правда, эти ушлёпки вряд ли побегут жаловаться в полицию: один, по-видимому, наркоманил, а другой расхаживал со складным ножом. Сами напросились. К счастью, после Европейской войны с исламистами на беженцев стали смотреть уже не так толерантно, особенно когда те забывали, что находятся в чужом доме в гостях. Синтия с неудовольствием подумала, что таких вот «гостей с юга» в Торонто в последнее время стало слишком много.

В Мексике по-прежнему тлела война между остатками правительственных войск и уцелевшими картелями, самые крупные из которых сейчас образовали собственные квазигосударства. Масло в огонь подливала третья сила – исламистские боевики, которые после разгрома в Европе подались на запад, за Атлантику. Пытаясь обуздать погрязший в войне регион, президент Фуэнтес, сменивший на этом посту взорванного четыре года назад президента Варгаса, уже подал заявку на вступление в Североамериканскую Конфедерацию и запросил помощь Миротворческих Сил Антикризисной Коалиции.

Синтия понимала, почему люди бегут оттуда. У них с Тимом был знакомый ремонтник, Дарио. Восемь лет назад, после возвращения Синтии в Торонто, он помогал обустраивать их загородный дом, а его брат, Хайме, перед самым Рождеством чинил отопление. Их родню убили боевики одного из картелей из-за подозрений в помощи правительственным войскам.

Однако вместе с мирными беженцами на территорию Канады проникали ячейки картелей, а с ними и наркотики. С повсеместным запретом нейростимуляции эта отрава снова стала набирать популярность.

Но и без наркотиков беженцы в больших количествах переставали уважать местные правила. Так что Синтия была рада, что Тим нашёл на них управу.

«Ничего, – подумала она, – пусть все знают, какой сын у меня растёт! Защитил мать от трёх озабоченных пендехос. Порвал их как Тузик грелку, как говорят русские. Не то, что эти пивные бочонки, которые только снимать и могут!»

Она поймала себя на мысли, что ни Даррен, ни Дэвид не стали бы бросаться в бой. Они бы попытались увести Синтию в машину и уехать, а если бы ситуация начала накаляться, то вызвали бы полицию. Наверное, это было бы и правильно: нет риска сесть в тюрьму, если в драке не рассчитаешь силу удара, или получить ножом в живот, если враг окажется вооружён. Даже Райли, каким первоклассным бойцом ни был, всегда учил избегать неприятностей, особенно на контролируемых участках, за которыми ведётся наблюдение.

Теперь в Тиме очень отчётливо чувствовалась и русская, и армянская кровь. Так храбро и свирепо за неё мог бы драться только он. А ещё его отец. Когда к ним в дом забрались, он был готов проткнуть врага палкой от швабры. Хорошо, что забравшимся был всего лишь енот, который быстро ретировался. Почти так же быстро, как тот наркоша со стоянки.

Тим как будто прочёл её мысли, потому что сказал с досадой:

– Жаль, этот крысёныш ушёл!

– Ничего, – утешила его Синтия, – его потом свои же отметелят за то, что бросил их в драке.

– Ненавижу, блин, этих беженцев! – процедил Тим.

– Не ругайся, – холодно осадила его Синтия. – И не забывай, что Дарио с Хайме тоже беженцы. Без них мы бы сидели в Рождество в шубах.

– Дарио и Хайме нормальные, – ответил Тим. – Они очень уважительно к тебе относились! Дядя Горди тоже их одобрял!

– Вот именно! – подхватила Синтия. – Не суди о людях плохо только за то, что они беженцы! Они могли покинуть родину не по своей воле!

– Но почему они не остались сражаться? – возразил Тим. – Когда в Европе началась война, Белое Ополчение пошло сражаться! Наш Миротворческий корпус тоже сражался! И Райли сражался, и Отряд Баха сражался! Генерал Тимошин в России тоже сражался за будущее своей страны, хотя Мерзлин объявил его предателем! Сражался и победил! Американские нацгвардейцы сражались в Лос-Анджелесе и на руинах Сан-Франциско с боевиками картелей и с исламистами! Почему же эти люди бегут? Боятся драться за своё?

– Увы, не все готовы сражаться, – вздохнула Синтия. – Я, твой папа, его родители… Все мы до Европы думали, что война – это нечто эфемерное, то, что никогда нас не коснётся. Даже я такого не ожидала, хотя и призывала к осторожности. Жаль, конечно, что так вышло… Но сегодня твой папа бы точно тобою гордился!

Тим улыбнулся. Упоминание об отце и слова о том, что отец бы им гордился, всегда вызывали у него неподдельную, почти детскую радость. И тем удивительнее было видеть эту радость на лице сосредоточенного, часто даже угрюмого подростка, мечтавшего стать спецназовцем и отомстить убийцам своего отца.

Синтия улыбнулась в ответ. Она уже давно научилась так улыбаться, хотя и знала всю правду.

Синтия считала, что мать Даррена слишком уж откровенничала о своём сыне с личным массажистом. Даррен тоже к нему ходил, чтобы расслабиться. Однажды Синтия не постеснялась сказать о своих опасениях и мужу, и свекрови. Даррен, как обычно, вежливо покивал, а миссис Вестбрук чопорно вздёрнула нос, как будто считала оскорблением само присутствие Синтии в одной с собой комнате.

А потом Даррена убили. Его зарезал нанятый в Париже телохранитель, который оказался связан с «Исламской Европой».

Так что Синтия оказалась права. Само её присутствие стало для Вестбруков напоминанием об их беспечности, и они поспешили изгнать их с Тимом из семейного круга. А спустя несколько месяцев того массажиста арестовала полиция. Оказалось, что он тоже был связан с исламистами и собирал для них сведения на Западном Побережье – в том числе от скучающих клиентов и клиенток из высшего общества.

Когда Синтия рассказала Тиму эту историю, мальчик больше никогда не задавал вопросов о причинах размолвки и вообще не заговаривал о Вестбруках. Для него они словно перестали существовать. И это Синтии было на руку, потому что сын не подозревал о главной причине разрыва – равно как и не задумывался о том, почему родители Даррена держались с ним отстранённо ещё до той роковой поездки во Францию.

Когда они доехали до загородного дома, духота сделалась невыносимой – дело шло к сильной грозе. Перед глазами Синтии промелькнуло воспоминание шестнадцатилетней давности: за стеклом такая же точно жара и духота, только внутри салона остаётся немного свежести благодаря кондиционеру. Она ведёт машину к этому самому дому, а рядом, на пассажирском сиденье, сидит красивый смуглый юноша и не отрывает от неё влюблённого взгляда. Тим был

почти таким же – та же высокая стройная фигура, те же тёмные волосы, те же тонкие черты лица, тот же выступающий подбородок, подчёркивающий его решительный нрав. От матери ему достались белая кожа и светлые глаза.

Синтия заставила себя подавить это воспоминание. История с Четом давно закончилась. Теперь у неё новая жизнь.

Глава 2

Райли приехал уже когда начало темнеть. К этому моменту небо заволокло тучами, точнее даже целым фронтом туч, через который где-то вдали проглядывала розовая полоска закатного неба. Казалось, этот тяжёлый небесный поток тёк отовсюду, охватывая одиноко стоящий дом с разных сторон. На землю ещё не упало ни одной капли, было тихо и безветренно, но издалека уже доносились приглушённые раскаты грома.

Райли зашёл в дом, первым делом поцеловал Синтию и отправился мыть руки. Тим проводил его взглядом, полным уважения, если не сказать – почитания. У Синтии отлегло от сердца. Пожалуй, Райли был единственным мужчиной, кого Тим принял в материнском доме. Когда после их возвращения в Торонто с Синтией стал жить её босс – Дэвид, Тим воспринял его с неприязнью. Он никогда ему не грубил, не дерзил, не делал гадостей, но всегда был безукоризненно вежлив и очень холоден. Дэвида это ранило, потому что мальчик ему нравился, и он сам хотел с ним поладить. Но как ни билась Синтия, подружить Тима с Дэвидом не получалось. Сын не желал видеть в ухажёре матери нового отца. Он тогда уважал лишь её родного брата Горди, который служил в полиции и учил Тима обращаться с оружием. Только за пару недель до Катастрофы в Торонто лёд в сердце Тима начал немного подтаивать. А потом 19 сентября 2046 года Торонто накрыл массовый энергоудар (в те времена энергоудары ещё называли Синдромами Внезапного Расстройства Здоровья), и Дэвида не стало. Тогда же погиб и Горди. А Тим сделался ещё более замкнутым, чем прежде.

С Райли они познакомились благодаря боксу. Тим пошёл в тот же клуб, куда ходил его кузен – старший сын Горди. И именно в этом клубе детей и подростков тренировал Райли. Он был ветераном Сил Специальных Операций Канады, а в дальнейшем служил в Отряде Баха – знаменитой русской частной военной компании, которая очищала Европу от исламистских боевиков и нагоняла страх на самых отъявленных фанатиков.

А почти три года тому назад Синтия с Тимом повстречали Райли у Стелы Памяти, посвященной Катастрофе и всем жертвам энергоударов. Райли тоже потерял в Катастрофу дорогих ему людей, и это было их общее горе. Возвращаться в пустоту своих домов им не хотелось, и Райли предложил зайти в ближайшее кафе и перекусить. Синтия согласилась. Отчего бы двум одиноким, побитым жизнью людям не побыть вместе? К тому же Тим очень уважал своего тренера. Если кто-то и мог заменить ему отца, то только Райли.

За ужином Райли был мрачен, будто чем-то сильно раздосадован. Поначалу Синтия решила, что он обдумывает синяк на скуле Тима, но потом отмела эту мысль. Если Райли действительно что-то волновало, он обычно спрашивал об этом сразу и напрямую. Нет, его беспокоило что-то ещё, нечто более серьёзное.

Уловив её вопросительный взгляд, Райли сказал коротко:

– Рене вляпался.

Тим резко вскинулся:

– Что с ним случилось?

– Когда ехал в метро, подрался с каким-то уродом. Тот на старую леди наехал, а Рене вступился. Неудачно провел бросок. В общем, урод со сломанной шеей в реанимации, а Рене – в полиции.

– Мать твою, – пробормотала Синтия, которая редко позволяла себе ругаться, тем более в присутствии сына. Она не одобряла брани из его уст, и сама старалась не выражаться. Но ситуация действительно была очень скверной.

Историю Рене она знала со слов Райли и Тима. Парень был выходцем из Квебека и в то злополучное лето 2045 года отправился к родственникам в Марсель. Когда город захватили

исламисты, его семью угнали в рабство. Им со старшим братом удалось бежать. Брата застрелили боевики, но Рене сумел спастись. Его подобрали ребята из Белого Ополчения и помогли ему вернуться домой, к дяде, который жил в Торонто. Мать Рене умерла в рабстве, а отца освободил канадский спецназ в ходе Марсельского рейда в 2047 году. Однако в Канаду отец вернулся морально и физически сломленным человеком – калекой. С тех пор Рене только и думал о том, чтобы стать спецназовцем.

Для таких мальчишек, как они с Тимом, Райли даже проводил отдельные дополнительные тренировки – бесплатно. Тем, кто приходил к нему, он прямо заявлял: «Я трачу на вас своё время и ничего за это не беру. Поэтому гонять вас буду в хвост и в гриву, как никто никогда не гонял! Каждого из вас!»

Поначалу желающих было парней шесть, но через год остались только Тим, Рене, и ещё один подросток по имени Бретт, у которого отец служил в передовых частях Канадского миротворческого корпуса.

Райли покачал головой:

– Говорил я ему: надо быть осторожнее, особенно когда решаешь драться. А вам я это говорю не для того, чтобы душу излить, хотя, возможно, это и моя недоработка, а чтобы вы понимали, как оно бывает. Особенно ты, Тим: ты отвечаешь не только за себя, но и за мать тоже! А теперь рассказывай, где ты заработал этот синяк.

Когда Тим закончил рассказ, снаружи сверкнула молния – так ярко, что её отблеск было видно даже сквозь плотные шторы. Спустя несколько секунд донёсся раскат – оглушительный треск, будто лопнул небесный свод. Тяжело застучали первые капли. Стук ускорялся, пока не перешёл в сплошной монотонный звук. Гроза началась.

– Я же тебе говорил: не забывай прикрывать голову! – с укоризной покачал головой Райли. Взгляд его выражал разочарование, будто он хотел сказать: «Ну как так, парень? Я же в тебя верил, а ты облажался!».

Тиму хотелось провалиться сквозь землю. Однако он не опустил глаза, а чётко ответил:

– Да, я ошибся.

– Ошибку надо исправлять, – отрезал Райли. – И мы этим займёмся.

– Мне кажется, это не только вина Тима, – мягко вмешалась Синтия. – Он был всего один, а их было трое. Тот, третий, зашёл сбоку…

– Тем более! – Райли перевёл взгляд на неё. – Значит, Тим не оценил расстановку сил и не смог контролировать обстановку на поле боя. В боевых условиях ринга нет. Честной драки один на один – тоже. Если бы этот третий бил сильнее и точнее, ты, Тим, был бы в нокауте – в лучшем случае. А если бы у этого пендехо был нож, ты бы сейчас лежал в морге. И мама твоя, возможно, тоже.

А ещё их могло быть больше трёх – например, кто-то сидел бы в машинах или прятался бы за ними. Это стандартная ловушка – один-два урода провоцируют, отвлекают, другие в этот момент нападают сзади.

Запомни: когда с тобой женщина и дети, главное – увести их из-под удара, доставить в безопасное место. Враг может специально провоцировать тебя, чтобы ты сорвался и открылся для удара. Поэтому держи ушки на макушке. Главная цель – чтобы женщина и дети не пострадали. Обеспечь их безопасность, а потом действуй по ситуации. И если уж собрался кого-то бить за поруганную честь, не оставляй следов. Понял?

– Да, сэр, – чётко ответил Тим.

Синтия вспомнила, как Тим в своё время называл «сэром» и Дэвида. Но если тогда это слово означало стену, которой мальчик ограждал себя от маминого кавалера, то сейчас обращение было преисполнено уважением к старшему мужчине, наставнику и командиру. Подумав об этом, она не смогла сдержать улыбки. Райли тоже улыбнулся:

– Но ты молодец, что вступился за мать! Будут знать, как трогать наших женщин!

Пока они ужинали, за окном бушевала непогода, сверкали молнии и раскатисто гремел гром. Райли старался не подавать виду, но Синтия чувствовала, как он напрягается при сильных раскатах. Хорошо ещё, что шторы здесь были плотные и почти не пропускали вспышек молний. Райли мучился от последствий тяжёлой контузии, полученной во время Европейской кампании. Гроза иногда возвращала его к сигнальным ракетам, к стрельбе, к атакам дронов, к взрывам...

Чтобы как-то приглушить эти неприятные ассоциации, Синтия включила канал, посвященный культуре. По нему как раз показывали оперу, и семья стала смотреть телевизор. Дом наполнила музыка с песнями, и Райли сразу полегчало.

Доужинав, Тим пошёл к себе в комнату, потому что опера была ему не очень интересна. Зато Райли с Синтией смотрели её с удовольствием.

– Красиво, – проговорил Райли, глядя на экран. – Не зря мы это делали. Ради сохранения нашего мира, в том числе этой красоты – музыки, танцев, платьев, пения, – мы дрались с ублюдками, которые хотели всё сжечь и разрушить!

– Мы победили, – шепнула в ответ Синтия и поцеловала его. – Мой герой.

Райли с чувством ответил на поцелуй и запустил пальцы в её густые волосы. Позабыв обо всём, они нежились в объятиях друг друга под негромкую мелодичную музыку. В волнительном томлении Синтия ощущала жаркое дыхание и губы любимого на своей шее. Его руки уже ласкали её пышные бёдра, пытаясь охватить их через тонкую ткань юбки.

«Скорее бы всё снять! – промелькнуло в голове у Синтии. – Чтобы только он и я…»

– Пойдём наверх! – с хрипотцой в голосе сказал Райли.

Однако всё испортила погода. Едва они поднялись в спальню, как гроза, затихшая было во время оперы, разразилась с удвоенной силой. От грома не спасали даже стеклопакеты, которые поставил Дарио. Райли казался каменным. Обычно нежный, сейчас он двигался и сжимал Синтию с такой силой, что ей стало не только неприятно, но и даже страшно: как будто дорогой ей человек сейчас мыслями снова был там, в том аду, через который прошёл, но который так и не отпустил его до конца.

Дёргаться, пытаться вырваться было бесполезно: хватка у Райли сейчас была как тиски. Хуже того, он вернулся мыслями на поле боя и мог нечаянно покалечить Синтию.

– Не дави так! – тихо попросила она, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно и ровно. – Пожалуйста, не дави! Мне больно. Райли…

Услышав своё имя, Райли будто опомнился: разжал объятия и обмяк. Несколько секунд её любимый не произносил ни слова, а потом тяжело уселся на кровати.

– Чёрт, – пробормотал он, глядя пустым взглядом в занавешенное шторами окно. – Прости, Син. Я снова там был… Будь оно проклято!

Райли сквозь зубы выругался, оглядел смятые простыни и собрался подняться с кровати. Казалось, это место сделалось для него ненавистным.

– Тшш… – Синтия аккуратно обняла его сзади. Она ощутила покрывающий его холодный неприятный пот, но не отняла руки. – То уже прошло. Ты всех победил. Ты мой герой, ты лучший мужчина на свете… Ложись ко мне. Тут нет химер. Только мы с тобой. Нас никто не потревожит. Пожалуйста.

Райли медленно опустился назад и положил голову на подушку.

– Вот так… Просто побудь со мной, – попросила его Синтия, прижимаясь к нему сбоку всем телом. – Я вся твоя. Мне с тобой хорошо…

Райли молча прижался к её плечу. Покрутил немного длинную прядь волос, потом рассеянно начал ласкать рукой грудь Синтии. Однако Синтия не испытывала привычного блаженства. В голову заползла скользкая отвратительная мысль: как быстро она пускает в свою постель нового мужчину, не успев оплакать предыдущего! Сначала, устав от пристрастий мужа, решила развлечься с Четом. Потом испугалась расстаться с привычным комфортом и прибе-

жала обратно к Даррену, забрав у парня не только кусок сердца, но и сына, о котором он так и не узнал. Затем Даррен, опасаясь энергоударов и возможного разорения своей компании, открыл в интересах жены и ребёнка трастовый фонд. Позаботился о том, чтобы «любящие» родственники не обобрали их до нитки в случае его смерти или тяжёлой болезни. Когда после гибели Даррена она вернулась в Торонто, то сразу взяла в оборот Дэвида, чтобы обеспечить стабильную жизнь и работу. А когда стабильность рухнула в тартарары из-за Катастрофы в Торонто, нашла себе Райли.

Да и с подругами ситуация обстояла примерно так же. Когда, Хизер её давняя знакомая и по совместительству источник сведений из мэрии, умерла в сорок седьмом от последствий Катастрофы в Торонто и потери ребёнка, освободившееся место заняла Эми, с которой Синтия познакомилась в первые дни войны в Европе. И теперь новая приятельница стала источником свежих деловых новостей.

«К чёрту! – отрезала Синтия. – Чет теперь живёт своей жизнью и счастлив! Даст бог, чтобы так и было. А после Чета я была верна Даррену. Берегла его, как могла, предостерегала от поездки в Париж. И делала всё, чтобы мой сын выжил в этом долбаном мире. А ещё я люблю Райли, потому что он защищал нас Тимом на войне, а теперь наставляет Тима, делает его сильным и храбрым. За все шестнадцать лет это первый мужчина, которого я не сравниваю с Четом! С ним и останусь! Тим и Райли – вот мой шанс искупить свои ошибки и трусость!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.